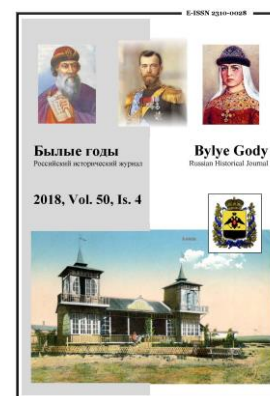

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1656-1665. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1656
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

"Other Slavs": Images of "Western Slavdom" in the Views of Russian National-Conservative Panславистs in the 70s–80s of the XIX century

Andrey A. Linchenko ^{a, b, *}

^a Financial University, Lipetsk branch, Russian Federation

^b Lipetsk state technical university, Russian Federation

Abstract

The article reveals the features of the evolution of ideas about Western Slavdom in the works of Russian national conservative panslavists of the second half of the XIX century in the context of their ideas about the creation of the All-Slavic Union. Based on works by N.Y. Danilevsky, R.A. Fadeev, I.S. Aksakov, A.A. Kireev and K.N. Leontiev it was concluded that a significant transformation of the images of the Western Slavs in the 70s – 80s compared with the work of the 60s. The point of view is substantiated that the key significance in the transformation of attitudes towards the Western Slavs was associated with the interpretation of the religious foundations of the future unification and foreign policy changes of the late 70s – the first half of the 80s of the XIX century. In this regard, the deepening contradictions between the most prominent representatives of national-conservative panslavism became the reason for the polar assessments of the role and place of the Western Slavs in the planned all-Slavic union. The most opposite assessments were observed in the views of representatives of the "All-Slavic" (I.S. Aksakov, A.A. Kireev) and "Byzantine" (K.N. Leontiev) directions of Russian panslavism. These assessments are analyzed in the context of the evolution of the attitude toward Western culture in the 60s–80s. XIX century. All this allows us to talk about the ambiguity of the images of Western Slavdom, not only in the Russian social thought of the post-reform period as a whole, but also among representatives of the national conservative camp, in the views of Russian conservative panslavists.

Keywords: panslavism, "the other", slavophilism, national conservatism, cultural memory, Western Slavs.

1. Введение

Современный мир представляет собой все более усложняющееся социальное пространство, характерными чертами которого являются мобильности, трансферы и трансформации. Это изменяет привычные образы «другого», «своего» и «чужого» в культуре. Данная ситуация в свою очередь бросает вызов культурной памяти, которая всегда была важным источником конструирования образов «другого», смыслового наполнения категорий «свой»/«чужой». Другими словами, противоречивый опыт и изменчивый характер образов «своего» и «чужого», образов «другого» в истории оказывается важным ресурсом анализа рисков трансформации современной культурной памяти.

В этой связи исследование современных проблем культурной памяти России предполагает обращение к целому ряду исторических образов «своего», «чужого», «другого» в исторической культуре и культурной памяти России XIX–XX вв. Одним из наиболее устойчивых образов, имевших место в социально-культурной жизни и культурной памяти как дореволюционной России, так и советского времени, являлся образ «братских славянских народов». Однако насколько однозначными являлись репрезентации славянских народов в культурной жизни России? Исследованию данного вопроса будет посвящена наша статья, целью которой является анализ особенностей трансформации

* Corresponding author

E-mail addresses: linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko)

образов западного славянства в среде русских национально-консервативных панславистов 70–90 гг. XIX в. В нашем исследовании мы сосредоточим внимание на работах И.С. Аксакова, А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева.

2. Материалы и методы

В проведенном исследовании использован достаточно широкий круг источников. Публицистическое наследие виднейших представителей панславизма представлено в первую очередь собранием сочинений И.С. Аксакова (Аксаков, 1886а; Аксаков, 1886б). Особо отметим ценную для нас работу И.С. Аксакова «Ф.И. Тютчев. Биографический очерк» (Аксаков, 1874), содержащую выводы И.С. Аксакова относительно славянского вопроса. Публицистическое наследие генерала А.А. Киреева состоит из его 2-томного собрания сочинений (Киреев, 1912), а также целой серии его брошюр и статей (Киреев, 1883; Киреев, 1890; Киреев, 1898). Публицистика К. Леонтьева представлена в собранном им самим в 1885–1886 гг. сборнике «Восток, Россия и Славянство» (Леонтьев, 1996), отдельными статьями и воспоминаниями (Леонтьев, 2003; Леонтьев, 2002).

Мы также привлекли работы и публицистику Н.Я. Данилевского (Данилевский, 1998; Данилевский, 2003), Р.А. Фадеева (Фадеев, 2003), А.С. Хомякова (Хомяков, 1900). Нами была использована как опубликованная, так и неопубликованная переписка И.С. Аксакова, А.А. Киреева, К.Н. Леонтьева. Неопубликованную часть эпистолярного наследия представляют письма, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ОР РНБ, ф. 14. ед. хр. 172).

Хронологические рамки исследования охватывают 70–90 гг. XIX в. Нижний хронологический рубеж обусловлен обострением Восточного вопроса в 1875–1878 гг., что вызвало очередное распространение идей панславизма в России. Верхний – кризисом панславистской идеологии, вызванным общей сменой внешнеполитических ориентиров России в 1880–1890 гг. как в правительственных, так и в общественных кругах и соответственно упадком самой идеи панславизма, а также уходом из жизни основных представителей панславизма – И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева и отсутствием должной замены им.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что историография русского панславизма представляет собой самостоятельный предмет исследования, проблема конструирования образов западного славянства как «других», «чужих» славян ранее не становилась предметом пристального научного анализа. Исследования, посвященные или затрагивающие различные аспекты русского панславизма можно разделить на несколько этапов: 80-е гг. XIX в. до 1917 г.; 1920-е гг.; 1930-е – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1960-е гг.; 1970–1980 гг.; 1990-е и 2000-е гг.

На первом этапе, в 80-е гг. XIX в. – 1917 г., несмотря на современность проблемы, существовавшая масса работ носила оценочный, а не исследовательский характер. Представители социалистического направления недалеко ушли от формулировок, данных панславизму К. Марксом еще в 1848 году. Оценивая панславизм как явление «заведомо реакционное», К. Маркс, таким образом, вкладывал в панславизм только один смысл – идею славянского единства в национально-консервативном ее звучании. Он писал: «Панславистское единство – это либо чистая фантазия, либо русский кнут» (Маркс, Энгельс, 1962: 182). Несмотря на общий негативизм оценок панславизма как явления в национально-консервативной мысли среди представителей либеральной мысли (С.Н. Трубецкой, Г.К. Градовский), появляются попытки исследования термина «панславизм». Такова работа А.Н. Пыпина (Пыпин, 1913). Панславизм, по его мнению, это не только политическое объединение, это еще и общеславянский язык. Он отличал «истинный панславизм» как проявление национальной идеи, способствующей суверенитету славянских народов, от «русского панславизма» с присущими ему имперскими амбициями. Неоднозначной была оценка виднейших идеологов панславизма в консервативном лагере: от восторженно апологетических (Л.А. Тихомиров, Н.П. Аксаков, А.И. Введенский, И. Фудель) до умеренно-критических (А.В. Васильев, И.В. Каменский, И.С. Листовский, П.П. Перцов). Среди них предпринимались попытки исследования самого термина «панславизм» (Погодин, 1914).

Второй этап, 1917 г. – 20-е гг. XX в., характеризуется малочисленностью исследований, однозначно негативной оценкой панславизма в советской историографии. С.Д. Сказкин отмечал: «Русский панславизм ... был уродливым явлением русской общественной жизни, порождением отсталого политического строя, своеобразной формой политического бездельничества общественных слоев, отодвинутых от практической политики. В своем наиболее чистом, славянофильски облагороженном виде русский панславизм был ходулен, напыщен, риторически красив, но практически бессодержателен» (Сказкин, 1974: 222).

Третий этап, 30-е – середина 50-х годов XX века, ознаменовался большим количеством работ, затрагивающих исследуемую нами проблему как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Конец 30-х – начало 40-х ознаменовались исследованиями, отчасти касающимися изучаемой нами проблемы. Это работы А.И. Ковалевского, А.А. Михайлова, С.С. Дмитриева. Первые два автора рассматривали вопрос о роли и степени влияния идей панславизма в раннем славянофильстве. Как особый этап в развитии пореформенного славянофильства, ориентированный на внешнюю

политику, оценивал панславизм С.С. Дмитриев (Дмитриев, 1941: 89). В годы Великой Отечественной войны отношение к идеям панславизма начало изменяться. Славянские народы теперь рассматривались как союзники в борьбе с гитлеровской Германией. Примечательно, что если термин «панславизм» сохранил свое «реакционное» значение, то из него выхватывались тезисы о славянской солидарности, славянской дружбе, славянском содружестве, которые оценивались как новый этап сотрудничества между СССР и славянскими народами. Тема освобождения славянских народов от османского ига в XIX веке стала особенно актуальной после освобождения славянских народов от фашистской оккупации в XX веке. Такова общая направленность работ советской историографии (И.В. Козьменко, С.А. Никитин). Русская эмигрантская литература указанного периода представлена обобщающими работами по истории русской философии, трудами Н.А. Бердяева, А.А. Кизеветтера. Важное место среди работ зарубежных исследователей этого периода занимает книга М.Б. Петровича (Petrovich, 1956). Он внутренне разграничил широкое понимание А.Н. Пыпиным «истинного», демократического панславизма, распространенного им на все нерусское славянство, выделив в нем три четкие формы: «автрославизм», «иллиризм», «украинский славянский федерализм». В дополнение к ним он называл «польский мессианизм» и «великорусский панславизм» (Petrovich, 1956: X).

Во второй половине 50-х – 60-е гг. проблема панславизма также была затронута в целом ряде исследований как в СССР, так и за рубежом. Особо стоит отметить статью А.Я. Манусевича (Манусевич, 1967). В ней нашла окончательное оформление мысль о двух модификациях идеи славянского единства – «реакционного панславизма» и «демократической идеи славянской солидарности». Важную роль сыграло появление работы В.К. Волкова, посвященной происхождению и сущности термина «панславизм». Автор точно установил время и место появления термина «панславизм», показал условия, способствовавшие его распространению (Волков, 1969).

Тема панславизма продолжала развиваться на Западе в работах непосредственно о панславизме, о Н.Я. Данилевском, К.Н. Леонтьеве, в контексте вопроса о природе и сущности национализма в России вообще. Важное место среди ряда западных монографий этого периода о панславизме играет книга Г. Кона (Kohn, 1960). Выделяя две линии развития панславизма, – в Российской империи и среди славян, прежде всего в монархии Габсбургов, – он, как и все западные исследователи, акцентирует внимание на первой. В работе Кона тема о «советском панславизме» выразилась с наибольшей силой: «Со времени Погодина вплоть до последних лет Сталина, в течение целого столетия панславизм играл доминирующую роль в русском сознании. Русские не только провозглашали свою роль защитника и лидера всех славян, но также подчеркивали единство всех славян до такой степени, что для многих русских синонимами стали слова «русский» и «славянин» (Kohn, 1960: 325). Огромное значение имеет монография Э. Тадена (Thaden, 1964), который анализирует панславизм в контексте основной задачи своей монографии – изучения консервативно-националистической идеологии в России XIX в. Таден правильно подмечал, что «в условиях пореформенной России ... славянофильские и консервативно-националистические идеи были обречены на неудачу и подвержены процессу разложения». Они, по его мнению, «просмотрели» тот факт, что патриархальные основы религии и самодержавия, которые они вынашивали, были уже непригодны для быстро «индустриализировавшейся России, складывавшихся буржуазных отношений» (Thaden, 1964: 122).

В 70–80 гг. проблема панславизма была затронута в большом количестве исследований советских историков и философов о русском консерватизме. Примечательно, что тенденция к увеличению изучения русского консерватизма вообще стала характерной для советской историографии именно на данном этапе. Ключевым продолжал оставаться тезис о «реакционном» панславизме, присущем консерваторам и «демократической, прогрессивной» идее славянской солидарности, свойственной революционным демократам. Наиболее ярко эта концепция отразилась в определении «панславизма» в новой Большой советской энциклопедии (Панславизм, 1975), в статьях В.А. Дьякова и И.И. Лещиловской об идее славянского единства в трактовке всей пореформенной революционно-демократической и либеральной общественной мысли в России. Отдельно стоит рассмотреть монографии Н.И. Цимбаева о И.С. Аксакове (Цимбаев, 1978) и о славянофильстве (Цимбаев, 1986). Впервые в советской историографии славянофильства в работе Цимбаева было дано предельно ясное содержание и смысл понятия «славянофильство», что не могло не отразиться и на термине «панславизм». Автор убедительно доказал, что говорить о славянофильстве как о течении, занятом проблемой славянского единства нельзя, что термин «славянофильство» в 70–90 гг. XIX в. не соответствовал тому общественному идейному течению, которым был назван, что Н.Я. Данилевского, и соответственно К.Н. Леонтьева, нельзя вообще считать «поздним» продолжателем славянофильского учения.

На современном этапе, 1990-е–2000-е гг., на смену тезису о «реакционности» русского панславизма приходит убеждение об особом, специфичном варианте панславизма в национально-консервативном направлении, сильно трансформировавшем идею славянского единства, в которой на первый план выходят патриархальные идеалы и ценности, свойственные консервативному лагерю. Впервые в отечественной и западной историографии в ряде исследований (Анненкова, 1998) был затронут вопрос о многоаспектности идеи славянского единства в национально-консервативной

мысли. Так, О.В. Павленко подчеркивает, что «сама доктрина державного панславизма так и не была воплощена в цельное учение. Существовали ее различные интерпретации...» (Павленко, 1998: 57). Сходные выводы присутствуют в работах В.М. Хевролиной (Хевролина, 2000: 144) и С.Г. Пушкарева (Пушкарев, 2001: 529).

Из зарубежных исследований интересно определение «панславизма», данное Питером Цаппом в Американской энциклопедии, изданной в 1994 году (Csapp, 1994). Достоинством является отрицание автором так называемого «советского панславизма», который на Западе считали воплотившимся и действующим в Организации Варшавского Договора. П. Цапп абсолютно верно подчеркивает европейский характер славянского возрождения и тот факт, что термин «панславизм» возник в западно-славянских землях: «панславизм – детище славянских интеллектуалов, живших на территориях под господством Габсбургской и Оттоманской империй» (Csapp, 1994: 362). Однако, как показал наш историографический анализ, тема образов западного славянства так и не стала предметом отдельного научного исследования.

4. Результаты

Панславизм или более мягкие его синонимы – «всеславянство», «идея славянского единства» (Даль, 2002: 15) – это совокупность общественно-политических идей, предусматривающих более или менее тесный политический союз славянских народов или формирование единого культурного пространства. В зависимости от конкретной исторической обстановки, социальной среды и идейных мотивов панславизм принимал особые, специфические черты и формы, носил различные названия, был более или менее всеобъемлющим.

Важно отметить, что панславизм нельзя смешивать с такими синонимичными (Дьяков, 1993: 4; Павленко, 1998: 47) понятиями, как славянская солидарность, славянская общность, славянская взаимность. Возникшее в Словакии в 20-е гг. и распространившееся на волне национальных противоречий в Австрийской империи в 30–40 гг. XIX в. понятие «панславизм» было крайне неоднозначным и тенденциозным. Для российской внешней политики и обществу первой половины XIX в. такое общественно-политическое явление, как панславизм, не было характерным (Павленко, 1998; Волков, 1969). Распространение идей панславизма в русской общественности происходит лишь во второй половине XIX в. вследствие поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. и осуждения рядом европейских государств подавления Россией восстания в Польше в 1863–1864 гг., а в дальнейшем обострения Восточного вопроса в 70–80 гг. XIX в. Все это стимулировало поиск новых контуров российской идентичности, одним из аспектов которой являлись представления о славянском единстве. Именно в среде консерваторов идеи панславизма получили наибольшее распространение. Сам консервативный лагерь в пореформенную эпоху претерпел значительные изменения. На первый план в нем вышли «истинно-национальные», патриархальные ценности, одним из выражений которых было сильное влияние религии в идеологии и практике консерваторов (М.Н. Катков, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский). Американский исследователь консерватизма Э. Таден справедливо писал о стремлении создать «новую философию», базирующуюся на русском национализме и обычаях; на «традиционных институтах русского общества» (Thaden, 1964: 4).

В среде идеологов национально-консервативной версии панславизма в 70–90 гг. XIX в. можно наметить два направления. Первое, «всеславянское», представлено в 70–80 гг. личностью И.С. Аксакова, в 80–90 гг. оно будет продолжено в публицистике генерала А.А. Киреева. Другое, «византийское», представлено К.Н. Леонтьевым, развивавшим свои идеи еще в 70-е годы, но окончательно сформировавшееся в 80–90 гг. Представления о так называемом «западном славянстве» (чехи, словаки, болгары, сербы, словенцы, поляки) были органичной частью идей о создании Всеславянского Союза. Однако западные славяне не всегда рассматривались как «свои». В стремлении убедить в правоте «русского» варианта славянского объединения панслависты, по сути, создавали образ «другого славянства». Вместе с тем образы «западного славянства» не были лишены целого ряда противоречий, вытекавших как из особенностей самих внешнеполитических представлений русских консерваторов, особенностей эволюции славянофильского учения в 70–90 годы, так и реалий восточноевропейской политики и национально-освободительного движения на Балканах в XIX веке. В этой связи показателен вопрос о религиозных основаниях будущего союза, ведь большинство западных славян были католиками. Присутствие религиозного аспекта в идее славянского единства было характерным явлением только для национально-консервативной трактовки панславизма. Именно в религии покоились, по их мнению, начала России как крупнейшей славянской державы, и именно с религиозной основы и необходимо было начинать объединение. Осознание духовной общности должно было, по мнению виднейших представителей панславизма, стать тем фундаментом, на котором могло быть воздвигнуто «политическое здание» всеславянства. «Вероисповедание, как бытовое начало, проникающее собою, подобно воздуху, всю жизнь народа, – дает, частью ведомо, частью неведомо для него самого, характер и направление его историческим судьбам и всем отправлениям его жизни, как духовной, так отчасти и материальной, как общественной, так и государственной», – отмечал И.С. Аксаков (Аксаков, 1886а: 97). Для идеологии панславизма на протяжении всей второй половины XIX века характерно сохранение еще свойственной славянофилам антитезы «Восток–Запад» через выражение ее в противопоставлении

двух основных религиозных начал христианства – православия и католицизма. Но, сохраняя общие постулаты вышеназванного аспекта славянофильского учения, большинство панславистов отошли от того «общехристианского универсализма», по выражению Н.А. Бердяева, который был отличительной чертой учения славянофилов в 30–50 гг. XIX века. Панслависты, как это верно подметил В.В. Розанов, «... оподобили ... учение основоположников славянофильской идеи, ... применили ко множеству частных, к явлениям, вновь нарождающимся, к явлениям старым, незамеченным» (Розанов, 1990: 289). Это нашло выражение в несколько новом видении роли православия в судьбах России и будущего объединенного славянства. Надо сказать, что в среде панславистов России в 70–90 гг. XIX века господствовало достаточно общее представление о западной культуре, западном христианстве. Основопологающим началом западной цивилизации панслависты, в лице наиболее виднейших своих представителей в 70–90 гг. XIX в. – И.С. Аксакова, А.А. Киреева, К.Н. Леонтьева, считали католичество и как его религиозное ответвление – протестантизм. Признавая за католицизмом статус «великой веры», панслависты все же смотрели на него как на вероисповедание отходящего романо-германского мира (Аксаков, 1886а: 346; Киреев, 1912: 64; Леонтьев, 2003: 293). При этом они ставили исторический акцент не на разделении двух равных направлений вселенской христианской Церкви первых восьми веков, а на выделении католичества из ранее единой «общеправославной», «вселенской» Церкви. С этого момента, по их мнению, и начинается процесс «разложения» западноевропейской формы вероисповедания, где первоначальные позиции по отношению к вере занял институт папского государства. «С падением Римской империи дух старого Рима не погиб и ожил в ином образе, – подчеркивал И.С. Аксаков, – папство наследовало предания Рима; грубость и вещественность Рима перешли в область латинского вероисповедания; политическое владычество миром заменилось владычеством духовным. Именно это сделало католицизм «рабством духа», «деспотией духовной» (Аксаков, 1886b: 39). Итогом этой деятельности папства И.С. Аксаков и его последователь А.А. Киреев справедливо считали принятие римским первосвященником в 1870 году догмата о «папской непогрешимости», провозглашением которой, по словам А.А. Киреева «... закончилась эволюция католицизма, ... и Патриарх Рима сделался для римско-католиков Вице-Богом» (Киреев, 1912: 171).

Абсолютно иные начала господствовали, по их мнению, на православном Востоке и в России. Здесь были сохранены те «вселенские истины», которые были утеряны католическим Западом. В их представлении Восточная православная церковь – «... это именно та истинная церковь Христова, которая должна быть чужда мысли какого-то ни было владычества, где нет ни больших, ни меньших; где всех связывает одна любовь в Христе и одна вера в Спасителя, – где духовенство имеет только ту власть, которую дает ему сама церковь, ... всегда пребывая превыше всех отдельных членов и не признавая над собой другого главы, кроме Христа» (Аксаков, 1886b: 39). Кроме того, если католичество было вероисповеданием отходящей «романо-германской» Европы, то православие мыслилось ими как религия особого «греко-славянского» мира, идущего на смену миру западноевропейскому. В вопросе о степени антагонистичности Запада и России в среде панславистов можно отметить некоторые различия. Так, И.С. Аксаков всегда подчеркивал, что Россия призвана явить новый культурно-исторический тип, который «примирит в себе Восток и Запад на основе православно-славянской <...>, западноевропейская культура – достойное общечеловеческое, ... она – этап на пути всемирно-исторического просвещения, которого, стало быть, миновать нам невозможно» (Аксаков, 1886а: 571). В этой его формуле, и в этом можно согласиться с В.В. Зеньковским, прослеживается раннеславянофильское восприятие западной культуры, западного христианства (Зеньковский, 1997: 67). Эту же мысль продолжает А.А. Киреев. Категорически возражая против каких-либо догматических уступок со стороны православной церкви Риму, он все же подчеркивал, что «... дело идет не об обращении или присоединении к нашей православной церкви нескольких или даже многих католиков или протестантов, а о том, чтобы помочь Западу возвратиться к его же бывшему западному православию» (Киреев, 1912: 173), «Сыны Православной Церкви всегда будут готовы протянуть руку христианскому Западу, когда к тому представится возможность...» (Киреев, 1912: 110).

В воззрениях Аксакова и Киреева нет той степени осознания глубокого антагонизма двух миров, какая сквозит во всем творчестве К. Леонтьева. Он совершенно по-иному оценивал перспективы сближения России и Западной Европы на почве православия. Необходимо отметить, что Западная Европа в его «византийской» концепции панславизма не только мир отходящий, но мир, «зараженный» смертельной болезнью «эгалитарно-либерального прогресса». Западная Европа «вырождается», находясь в третьей и последней, по его классификации, фазе существования цивилизаций – так называемом «вторичном смешении», и ничто уже ей не поможет. Отсюда и вывод не о примирении, а об отделении от Запада, который может еще и «заразить» Россию и православный Восток. Само же православие, или «культуру византийской дисциплины», он оценивал как «спасительное», ибо только на его основе и с его помощью обновленная Россия и православно-славянский мир смогут создать новый культурно-исторический тип – «единственный противовес теории всеобщего, мелкого удовольствия» (Леонтьев, 1996: 37), которой уже болен Запад. В этой связи среди панславистов 70–80 гг. развернулся спор о соотношении религиозного и племенного принципов. Надо сказать, что И.С. Аксаков несколько отошел от идей, господствовавших в 60-е гг.,

выразителем которых был Н.Я. Данилевский, и расширил понятие «славянского мира». В этот мир, помимо славян, как и К.Н. Леонтьев, Аксаков включил большинство народов, входивших ранее в состав Византийской империи. Он именовал его «православно-восточным», «православно-славянским» миром. Ставя во главу угла религиозный принцип, он подчеркивал, что такие внутренние противоречия в славянстве, как разность религий, обойдены быть не могут. Он категорично заявлял: «...Славяне-католики, которых просветительное начало веры дано в латинской окраске, у которых церковная стихия заклеяна чуждою национальностью, которых духовным центром служит Рим, не могут иметь притязаний на духовную самобытность своей народности... Если эти славяне не отторгнутся от Рима и не возвратятся к древнему церковному единству, т.е. к православию, их историческая судьба будет общая и одинаковая с судьбою иноплеменных народов католического исповедания: они подлежат одному с ними историческому приговору» (Аксаков, 1874: 178). С крайней безапелляционностью он подводил итог: «Славянин-латинянин – это извращение Славянской духовной природы. ... Славяне должны или стать гражданами Греко-Славянского мира, которого душою, без сомнения, может быть и есть только Россия, – или же погибнуть, прежде всего духовно!» (Аксаков, 1874: 266). Примечательно, что эта идея «славянин-латинянин – это извращение Славянской духовной природы», выраженная в публицистике И.С. Аксакова в 70-е годы была во многом продолжением славянофильских идей относительно католического славянства, выраженных еще в 1860 году в знаменитом «Послании к Сербам». Среди достаточно туманных рассуждений о славянской общности, там в отношении православия и католического славянства была дана предельно ясная формулировка – «славянин вне православия вполне славянином быть не может» (Хомяков, 1900: 386). Справедливо мнение С.Г. Пушкарева, утверждающего, что И.С. Аксаков в 70-е гг. во многом «отождествлял славянство с православием» (Пушкарев, 2001: 529).

Тем не менее уже в 80-е годы XIX в. представители панславизма приходят к осознанию того, что настойчивые призывы к славянам-католикам примкнуть к православию безуспешны. Это и без того усилило противоречивые образы «западного славянства». Оставаясь по-прежнему на убеждениях о незыблемости православия как религиозной основы будущего объединения, некоторые представители панславизма начинают выступать за равенство племенного принципа с принципом религиозным. Наиболее ярко эти идеи выразил А.А. Киреев, подчеркивавший, что «... мы крепко держимся наших идеалов, но совершенно неверно то, что мы желаем и намерены навязывать их другим ...» (Киреев, 1912: 30). Хотя в частном письме Киреев и заявлял И.С. Аксакову, что «... все славяне-католики, по-моему, немного смахивают на поляков, ... для нас, Славян православных, религиозный интерес стоит уже потому на первом плане, что он служит даже и к укреплению нашего славянского самосознания и единства ...» (ОР РНБ, ф. 14. ед. хр. 172. Л. 4), все же в одной из своих статей в «Известиях Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» он провозглашал: «Мы должны стоять на страже не только православия, но еще и всего славянства, и притом всего славянства, даже ныне нам отчасти не доверяющего славянства католического, даже и враждебного нам – польского» (Киреев, 1912: 122).

Необходимость поиска компромисса начал осознавать и И.С. Аксаков, который к концу жизни смягчил свою непримиримую позицию по вопросу о религиозных различиях. Он по-прежнему считал, что «Латинствующий Славянин только духовный прихвостень германо-романского Запада, ... он обречен плестись вслед чужому мировому призванию, ему нечего поведать свету» (Аксаков, 1886а: 566). Однако в своем дневнике А.А. Киреев записал мнение Аксакова о том, что вхождение славянских католических земель в предполагаемую славянскую федерацию во главе с Россией вполне приемлемо и нормально: «Нам их вера не помешает принять их». Опасения были в другом: «Не помешает ли им их вера вступить в наш союз?» (Хевролина, 2000: 149).

Именно в этом, на наш взгляд, кроется коренное отличие в вопросе о примате религиозного или племенного принципа между И.С. Аксаковым и А.А. Киреевым с одной стороны и К.Н. Леонтьевым – с другой. В своих воспоминаниях последний проливает свет на главную причину их расхождения. Леонтьев говорит о том, что «... не столько сами славяне важны, сколько то, что в них есть особенного, славянского, отделяющего нас от Запада, ... а что толку в славянстве ради славянства, ... будет ли сильно это всеславянство, если оно не оригинально, если у него не будет своих особых от Европы принципов» (Леонтьев, 2002: 58). Леонтьев был намного последовательнее в своих принципах, чем Аксаков, который был готов к концу жизни ради всеславянского объединения закрыть глаза на религиозный вопрос. Панславизм, по мнению Леонтьева, неизбежен, но «панславизм православный есть спасение, а панславизм либеральный есть гибель, прежде всего для России» (Леонтьев, 2003: 161). «Я люблю национальный идеал наш и боюсь, как бы неосторожное и преждевременное сближение (а потом и слияние) наше с либеральными и католическими славянами не повредило бы этому национальному идеалу, не погубило бы наших национальных особенностей, не утопило бы их в страшном море европейского демократизма» (Леонтьев, 2003: 567).

Выход Леонтьев видел в неуклонном следовании идее «православно-культурного руссизма», выразившейся в строгом следовании греко-византийскому православию, на почве которого выросла Россия. Только на основе православия Россия, по его мнению, вместе с православным славянством создаст некую «ново-восточную государственность», где «государство должно быть пестро, сложно,

крепко, ... церковь должна быть независимее нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна смягчать государственность, а не наоборот. ... Быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве. ... Законы, принципы власти, должны быть строже ...» (Леонтьев 1993: 385–386). Только эта «ново-восточная государственность» сможет противостоять общеевропейской «революционной заразе». То есть «не слияние во что бы то ни стало» с зарубежным славянством (в том числе и католическим), уже зараженным «либеральным европеизмом», а выработка сначала культурно-религиозных основ для последующего объединения, в том числе в отдаленном будущем, и с западным славянством, которое, безусловно, примет православие.

Несколько иным представлялся выход из проблемы религиозной розни славянства А.А. Кирееву. Как и И.С. Аксаков, он искал компромисс и нашел его, как ему казалось, в старокатоличестве, течении, отколовшемся в 1870 году от Ватикана, отвергнув ряд католических догматов (в том числе и о непогрешимости папы). Старокатолики, как и православные, не признавали приоритета церковной власти над светской и вели богослужение на национальном языке. Старокатоличество для него – западный образец православия. Поэтому и религиозное воссоединение с католическим славянским миром могло произойти, если славяне-католики перейдут в старокатоличество. «Старокатолицизм – это тот рычаг, с помощью которого мы можем переставить центр тяжести всего западного славянства, разорвать его религиозные оковы и возвратить ему его нравственную, и религиозную, и церковную свободу, это тот рычаг, который поставит юго-западную часть нашего племени в то положение, которое было дано ему равноапостольными Кириллом и Мефодием, то независимое положение, к которому стремился великий Гус и на которое наше, доселе – «опально-мировое племя» имеет неоспоримое право» (Киреев, 1898: 15). Однако идеи А.А. Киреева остались достоянием его публицистики. Немного было сторонников старокатоличества и в рядах иерархов русской православной церкви. Не нашли отклика идеи Киреева и среди самих западных славян. Они не диктовались их жизненными интересами. Надо отметить, что виднейшие культурные и политические деятели западного славянства вообще старались не увязывать панславизм с вопросом религиозным.

С религиозной точки зрения рассматривали панслависты и польский вопрос, который хотя и оценивался ими в публицистике как вопрос внутренний, все же в целом представлялся как составляющая общего славянского вопроса для России. Не останавливаясь подробно на данном аспекте проблемы, отметим, что разрешение польского вопроса представлялось панславистам во многом таким же путем, каким должно было быть достигнуто религиозное единство с католическим славянством Австро-Венгрии.

5. Заключение

Таким образом, проведенный анализ работ Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, И.С. Аксакова, А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева позволяет сделать вывод о существенной трансформации образов западных славян в 70–80 годы по сравнению с работами 60-х гг. XIX века. Образы «западного славянства» были важной частью внешнеполитических проектов русских консерваторов и были связаны с трактовками религиозных основ будущего объединения и внешнеполитическими изменениями конца 70-х – первой половины 80-х гг. XIX в. Другим важнейшим источником, оказавшим влияние на формирование образов «другого славянства» являлись оценки западной культуры в 60–80 гг. XIX в. Именно религиозный аспект образов западного славянства являлся причиной наиболее явных и трудноразрешимых противоречий в размышлениях национально-консервативных панславистов. В этой связи углубление противоречий между наиболее видными представителями национально-консервативного лагеря стало причиной полярных оценок роли и места западных славян в планируемом всеславянском объединении. Наиболее противоположные оценки наблюдались во взглядах представителей «всеславянского» (И.С. Аксаков, А.А. Киреев) и «византийского» (К.Н. Леонтьев) направлений русского панславизма. Все это позволяет говорить о неоднозначности образов западного славянства не только в русской общественной мысли пореформенного периода в целом, но и в среде представителей национально-консервативного лагеря, во взглядах русских консервативных панславистов.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 17-78-20149 «Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

Литература

- Аксаков, 1886 – Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. М.: Типография Волчанинова, 1886. 789 с.
 Аксаков, 1886b – Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. 5. Государственный и земский вопрос. М.: Типография Волчанинова, 1886. 675 с.
 Аксаков, 1874 – Аксаков И.С. Ф.И. Тютчев. Биографический очерк. М.: Русский архив, 1874. 103 с.

- Анненкова, 1998 – Анненкова Е.И. Аксаковы. Преданья русского семейства. СПб.: Наука, 1998. 365 с.
- Волков, 1969 – Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М.: Наука, 1969. С. 25–61.
- Даль, 2002 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 2002. 912 с.
- Данилевский, 2003 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Эксмо, 2003. 630 с.
- Данилевский, 1998 – Данилевский Н.Я. Горе победителям. Политические статьи. М.: "Алир", ГУП "Облиздат", 1998. 416 с.
- Дмитриев, 1941 – Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 96–98.
- Дьяков, 1993 – Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 205 с.
- Зеньковский, 1997 – Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М.: УМСА-Press, 1997. 283 с.
- Киреев, 1912 – Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 489 с.
- Киреев, 1883 – Киреев А.А. Исповедь панславизма // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1883. № 1 (окт.). С. 3–17.
- Киреев, 1890 – Киреев А.А. Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьеву. СПб.: Рус.-слав. кн. склад (Геруц и Дошен), 1890. 39 с.
- Киреев, 1898 – Киреев А.А. Старокатоличество в связи с славянским вопросом. Речь, произнесенная А.А. Киреевым в торжественном собрании гг. членов С.-Петербургского славянского благотворительного общества 11 мая 1898 г. СПб.: С.-Петербург. слав. благотвор. о-во, 1898. 16 с.
- Леонтьев 1993 – Константин Леонтьев. Избранные письма 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 544 с.
- Леонтьев, 1996 – Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. 799 с.
- Леонтьев, 2003 – Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. М.: Издательство АСТ, 2003. 636 с.
- Леонтьев, 2002 – Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М.: Русская книга, 2002. 528 с.
- Манусевич, 1967 – Манусевич А.Я. Панславизм // Советская историческая энциклопедия. М.: Издательство Советская энциклопедия, 1967. Т. 10.
- Маркс, Энгельс, 1962 – Маркс К., Энгельс Ф. Борьба в Венгрии / Полное собрание сочинений. (2-ое изд.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. Т. 6.
- ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 172 – ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 172. Письма А.А. Киреева к И.С. Аксакову 1885 г.
- Павленко, 1998 – Павленко О.В. Панславизм: концепция панславизма в славистических исследованиях // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- Панславизм, 1975 – Панславизм / Большая советская энциклопедия. М.: Издательство Советская энциклопедия. 1975. Т. 19.
- Пыпин, 1913 – Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913. 189 с.
- Погодин, 1914 – Погодин А.Л. Панславизм // Энциклопедический словарь / Гранат. СПб.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1915. Т. 31. 378 с.
- Пушкарев, 2001 – Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: Власть и общество. М.: Посев, 2001. 980 с.
- Розанов, 1990 – Розанов В.В. Поздние фазы славянофильства // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. М.: Искусство, 1990. С. 282–303.
- Сказкин, 1974 – Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. 1. М.: РАНИОН, 1974. 355 с.
- Фадеев, 2003 – Фадеев Р.А. Мнение о восточном вопросе // Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 369–404.
- Хевролина, 2000 – Хевролина В.М. А.А. Киреев о проблеме славянского единства // Славянский альманах 2000. М.: Индрик, 2001. С. 144–151.
- Хомяков, 1900 – Хомяков А.С. Сочинения в 8 т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. 408 с.
- Цимбаев, 1986 – Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Издательство Московского университета, 1986. 272 с.
- Цимбаев, 1978 – Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Издательство Московского университета, 1978. 221 с.
- Csapp, 1994 – Csapp P. Jr. Pan Slavism // The Encyclopedia Americana, Denbery. Vol.21. 1994. P. 362.
- Kohn, 1960 – Kohn H. Pan Slavism. Its history and Ideology. N.Y.: Vintage Books, 1960. 468 p.
- Petrovich, 1956 – Petrovich M.B. The emergence of Russian panslavism 1856-1870. N.Y.: Columbia university press, 1956. 312 p.
- Thaden, 1964 – Thaden E.C. Conservative nationalism in nineteenth century in Russia. Seattle: University of Washington Press, 1964. 271 p.

References

- Aksakov, 1886** – *Aksakov I.S.* (1886). Sochineniya [Collected works] in 7 vol. Vol.1. The Slavic question. Moscow: Volchaninov' publishing, 789 p. [in Russian]
- Aksakov 1886b** – *Aksakov I.S.* (1886). Sochineniya [Collected works] in 7 vol. Vol.5 The state and zemsky question. Moscow: Volchaninov' publishing, 675 p. [in Russian]
- Aksakov, 1874** – *Aksakov I.S.* (1874). F.I. Tyutchev. Biograficheskij ocherk [F.I. Tyutchev. Biographical sketch]. Moscow.: Russian Archive, 103 p. [in Russian]
- Annenkova, 1998** – *Annenkova E.I.* (1998). Aksakovy. Predan'ya russkogo semejstva [Aksakovs. Legends of Russian family]. Saint-Petersburg.: Science, 365 p. [in Russian]
- Volkov, 1969** – *Volkov V.K.* (1969). K voprosu o proiskhozhdenii terminov «pangermanizm» i «panslavizm» [To a question about the origin of the term "Pan-German" and "Slavism"], Slavic-German cultural ties and relationships. Moscow: Nauka, pp.25-61. [in Russian]
- Dal, 2002** – *Dal V.I.* (2002). Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 3. Moscow: Progress, 912 p. [in Russian]
- Danilevskij, 2003** – *Danilevskij N.Ya.* (2003). Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu [Russia and Europe. A glance at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance]. Moscow: Eksmo, 630 p. [in Russian]
- Danilevskij, 1998** – *Danilevskij N.Ya.* (1998). Gore pobeditelyam. Politicheskie statii [Woe to the winners. Political articles]. Moscow: "Alir", GUP Oblizdat ", 416 p. [in Russian]
- Dmitriev, 1941** – *Dmitriev S.S.* (1941). Slavyanofily i slavyanofilstvo [Slavophiles and Slavophilism]. *Istorik-marksist*, №1, pp.96-98. [In Russian].
- Dyakov, 1993** – *Dyakov V.A.* (1993). Slavyanskij vopros v obshchestvennoj zhizni dorevolucionnoj Rossii [The Slavic question in the social life of pre-revolutionary Russia]. Moscow: Science, 205 p. [in Russian]
- Kireev, 1912** – *Kireev A.A.* (1912). Sochineniya [Works] in 2 vol. Vol.2. St. Petersburg: A.S. Suvorin. 489 p. [in Russian]
- Kireev, 1883** – *Kireev A.A.* (1883). Ispoved panslavizma [Confession of Pan-Slavism]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. No.1 (Oct.). pp. 3-17. [in Russian]
- Kireev, 1890** – *Kireev A.A.* (1890). Slavyanofilstvo i nacionalizm otvet g Solovevu [Slavophilism and nationalism. Reply to Mr. Solovyov]. St. Petersburg: Rus.-Slav. book. warehouse (Heruts and Doschen), 39 p. [in Russian]
- Kireev, 1898** – *Kireev A.A.* (1898). Starokatolichestvo v svyazi s slavyanskim voprosom. Rech proiznesennaya a a kireevym v torzhestvennom sobranii gg chlenov s-peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva 11 maya 1898 g [Old Catholicism in connection with the Slavic question. Speech uttered by A.A. Kireev in the solemn meeting of the years. members of the St. Petersburg Slavic Charitable Society May 11, 1898]. St. Petersburg: St. Petersburg Slavic Charitable Society, 16 p. [in Russian]
- Leontiev, 1993** – *Leontiev K.N.* (1993). Konstantin Leontiev. Izbrannye pisma 1854-1891 [Konstantin Leontiev. Selected Letters. 1854-1891]. St. Petersburg: Pushkin Foundation, 544 p. [in Russian]
- Leontiev 1993** – Konstantin Leontiev. Selected Letters. 1854-1891. SPb.: Pushkin Foundation, 1993. 544 p. [in Russian]
- Leontiev, 1996** – *Leontiev K.N.* (1996). Vostok, Rossiya i slavyanstvo. Filosofskaya i politicheskaya publicistika. Duhovnaya proza (1872-1891) [East, Russia and the Slavs. Philosophical and political journalism. Spiritual prose (1872-1891)]. Moscow: Republic, 799 p. [in Russian]
- Leontiev, 2003** – *Leontiev K.N.* (2003). Hram i Cerkov' [Temple and Church]. Moscow: AST Publishers, 636 p. [in Russian]
- Leontyev, 2002** – *Leontiev K.N.* (2002). Moya literaturnaya sud'ba. Vospominaniya [My literary fate. Memories]. Moscow: Russian Book, 528 p. [in Russian]
- Manusevich, 1967** – *Manusevich A.Ya.* (1967). Panslavizm [Pan-Slavism], Soviet Historical Encyclopedia. Moscow: Publishing house Soviet Encyclopedia, Vol. 10. [in Russian]
- Marx, Engels, 1962** – *Marx K., Engels F.* (1962). Bor'ba v Vengrii [Struggle in Hungary]. Complete Works. (2nd ed.). Moscow: State Publishing House of Political Literature, Vol. 6. [in Russian]
- RNB OP 1885** – RNB OP. p.14. units hr. 172. Pis'ma A.A. Kireeva k I.S. Aksakovu [Letters from A.A. Kireeva to I.S. Aksakov] 1885. [in Russian]
- Pavlenko, 1998** – *Pavlenko O.V.* (1998). Panslavizm: koncepciya panslavizma vslavisticheskikh issledovaniyah [Pan-Slavism: the concept of pan-Slavism in Slavic studies]. *Slavic Studies*, No. 6, pp. 43-60. [in Russian]
- Pan-Slavism, 1975** – Panslavizm [*Pan-Slavism*]. The Great Soviet Encyclopedia. M: Publishing house Sovetskaya Entsiklopediya, 1975. Vol. 19. [in Russian]
- Pypin, 1913** – *Pypin A.N.* (1913). Panslavizm v proshlom i nastoyashchem [Pan-Slavism in the past and present]. St. Petersburg: Kolos. 189 p. [in Russian]
- Pogodin, 1915** – *Pogodin A.L.* (1915). Panslavizm [Pan-Slavism] // Encyclopedic Dictionary / Granat. St. Petersburg: Ed. Comrade. A. Granat and Co., Vol. 31. 378 p. [in Russian]
- Pushkarev, 2001** – *Pushkarev S.G.* (2001). Rossiya 1801-1917: Vlast' i obshchestvo [Russia 1801-1917: Power and Society]. Moscow: Sowing, 980 p. [in Russian]

- Rozanov, 1990** – *Rozanov V.V.* (1990). Pozdnie fazy slavyanofil'stva [Later phases of Slavophilism], Nesovmestimye kontrasty zhitiya. Literaturno-ehsteticheskie raboty raznyh let. Moscow: Art, pp .282-303. [in Russian]
- Skazkin, 1928** – *Skazkin S.D.* (1928). Konec avstro-russko-germanskogo soyuza [The end of the Austro-Russo-German alliance]. Vol. 1. Moscow: RANION. 355 p. [in Russian]
- Fadeev, 2003** – *Fadeev R.A.* (2003). Mnenie o vostochnom voprose [Opinion on the eastern question], Kavkazskaya vojna. Moscow: Eksmo, pp. 369-404. [in Russian]
- Khevolina, 2001** – *Khevolina V.M.* (2001). A.A. Kireev o probleme slavyanskogo edinstva [A.A. Kireev on the problem of Slavic unity], Slavic Almanac 2000. Moscow: Indrik, pp.144-151. [in Russian]
- Khomyakov, 1900** – *Khomyakov A.S.* (1900). Sochineniya v 8 t. [Works in 8 volumes]. Vol. 1. Moscow: University Press, 408 p. [in Russian]
- Tsimbaev, 1986** – *Tsimbayev N.I.* (1986). Slavyanofil'stvo. Iz istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoj mysli XIX veka [Slavophilism. From the history of n social and political thought of the XIX century]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 272 p. [in Russian]
- Tsimbaev, 1978** – *Tsimbaev N.I.* (1978). Aksakov v obshchestvennoj zhizni poreformennoj Rossii [I.S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow: Publishing house of Moscow University, 221 p. [in Russian]
- Csapp, 1994** – *Csapp P. Jr.* (1994). Panславизм, The Encyclopedia Americana, Denbery. Vol.21. P. 362.
- Kohn, 1960** – *Kohn H.* (1960). Panславизм. Its history and Ideology. N.Y.: Vintage Books, 468 p.
- Petrovich, 1956** – *Petrovich M.B.* (1956). The emergence of Russian panslavism 1856-1870. N.Y.: Columbia university press, 312 p.
- Thaden, 1964** – *Thaden E.C.* (1964). Conservative nationalism in nineteenth century in Russia. Seattle: University of Washington Press, 271 p.
- Zenkovsky, 1997** – *Zenkovsky V.V.* (1997). Russkie mysliteli i evropa kritika evropejskoj kultury u russkih myslitelej [Russian thinkers and Europe. Criticism of European culture among Russian thinkers]. Moscow: YMCA-Press, 283 p.

«Другие славяне»: образы «западного славянства» в воззрениях русских национально-консервативных панславистов в 70–80 гг. XIX в.

Андрей Александрович Линченко ^{a, b, *}

^a Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Российская Федерация

^b Липецкий государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности эволюции представлений о западном славянстве в работах русских национально-консервативных панславистов второй половины XIX века в контексте их представлений о создании Всеславянского союза. На основе работ Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, И.С. Аксакова, А.А. Киреева и К.Н. Леонтьева делается вывод о существенной трансформации образов западных славян в 70–80 годы по сравнению с работами 60-х гг. Обосновывается точка зрения, что ключевое значение в трансформации отношения к западным славянам было связано с трактовками религиозных основ будущего объединения и внешнеполитическими изменениями конца 70-х – первой половины 80-х гг. XIX в. В этой связи углубление противоречий между наиболее видными представителями национально-консервативного панславизма стало причиной полярных оценок роли и места западных славян в планируемом всеславянском объединении. Наиболее противоположные оценки наблюдались во взглядах представителей «всеславянского» (И.С. Аксаков, А.А. Киреев) и «византийского» (К.Н. Леонтьев) направлений русского панславизма. Данные оценки анализируются в контексте эволюции отношения к западной культуре в 60–80 гг. XIX в. Все это позволяет говорить о неоднозначности образов западного славянства не только в русской общественной мысли пореформенного периода в целом, но и в среде представителей национально-консервативного лагеря, во взглядах русских консервативных панславистов.

Ключевые слова: панславизм, «другой», славянофильство, национальный консерватизм, культурная память, западные славяне.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко)